ПОД НОВЫЙ ГОД НАДЕЯТЬСЯ И ЖДАТЬ

Ровно полвека тому назад довелось мне встретить Новый год в полном одиночестве среди гор, где берут начало от подземных ключей Чёрный Черемош и его притоки. С наступлением зимы наша геолого-поисковая партия возвратилась на городскую базу экспедиции. В *поле* при самоходных буровых установках осталась четвёрка добровольцев, которым я составил компанию. «Зимовщикам» сохранялась сорокапроцентная прибавка к жалованью. Кроме этого соблазна, для меня существовали и другие. *Поиск* среди нетронутой природы был мне много интересней, чем обработка его результатов в стенах *камералки*. И на воле легче писалось стихами и прозой, к чему я приобщился с недавней поры.

За несколько дней до смены календарных лет из Центра поступило по радиосвязи распоряжение поставить *самоходку* как можно выше по ручью Альбин, впадающему в Чёрный Черемош. Исполнение задания выпало мне. Свободный на то время шестиколёсный станок с опущенной ажурной вышкой ждал своего часа во дворе усадьбы *колгоспу «Шлях до комунизму»*. Тут же геологи снимали тёплое помещение при курятнике. Более неудачного названия для колхоза трудно было придумать. Тот *шлях* суетливо перескакивал по мелководью с берега на берег реки. В *повинь*, когда вода поднималась, становился непроходимым. И, не осилив подъёма к Главному карпатскому водоразделу, дорога заканчивалась тупиком напротив устья левого притока реки. Наверное, быстрый ручей получил название Альбин за пенную воду.

Пока горнопроходчики готовили машину в путь, я решил разведать, на какое расстояние от низовья ручья до его истока шипованные колёса вездехода способны одолеть тропу, ведущую вверх по боковой долине. Выбрав место для скважины, отметив его на карте, мне останется дождаться станка. Потом можно будет покинуть «точку бурения» на пару дней. Я рассчитал время так, чтобы успеть к встрече Нового года в компании своих коллег «на зимовье».

«Главкомбур» (неофициальное звание), отзавтракав солёным огурцом под стакан самогона, вызвался подвезти меня «насколько его козлу хватит лошадиных сил». Козлом именовался газик, по виду – ветеран обеих мировых войн. Сил ему хватило на полпути. Остановили сугробы, наметённые нисходящими потоками воздуха с вершин царящего над горным краем кряжа, где снега накопилось с избытком.

Иван Иванович, пуча красные глаза, навьючил меня рюкзаком и скаткой спального мешка сверху так, чтобы поклажа не мешала мне дотягиваться до планшетки на левом боку; услужливо подал геологический молоток и, как фокусник, извлёк из воздуха недопитую бутылку: «На дорожку?.. Нет? Ну, *до зустричи*! Мы – *взавтра*».

Груз замедлял скорость пешего хода. Только я мог не торопиться: до сумерек успею добраться до жилья отшельника в долине Альбин. О нём мне рассказали в сельсовете. Будто бы ещё *пры цысари, ще до войны Франца-Йосыпа з Мыколою Другым* сторожил охотничье хозяйство графа Стадиона его егерь (*тутэшний стрылэць на кабанив* – на местном наречии). Так и звали его земляки: *Пэтро Стрылэць*. Граф, венский житель, наезжал сюда редко, по зимам. В другие времена года небольшая усадьба пустовала, если не считать утренний дозор приходящего сторожа. Флигель при охотничьем домике наполнился непрерывной жизнью с появлением в нём *Марычки*. По словам птичницы колхозного курятника, молодая жена егеря *була красунэю, якойи свит ще нэ бачив*. В

подтверждении своих слов старуха рисовала растопыренными пальцами бугры в воздухе возле своих усохших грудей и тощего зада. Видимо, молодица знала себе цену. Единственным её недостатком было бесплодие. Но она уверенно назначила виновником *чоловика*. Тот не стал возражать, пасуя перед властной натурой своей избранницы, лет на пять его старшей. Ещё бы! Она приходилась внучатой племянницей известной знахарки и колдуньи. Односельчане наследницу таинственных знаний уважали и побаивались, старались не перечить ей. Многие попадали под влияние *онучки*, напоминающей внешностью и характером свою двоюродную *бабцю*. Но её верховенство в супружеской паре утвердил сам муж, считая себя недостойным такого счастья. В его глазах Марычка была святой. Он чуть ли не молился на неё. Не стал секретом способ, каким невзрачный с виду *юнак* опередил других женихов. Охотник-де, потерпев неудачу обратить на себя внимание первой в округе *дивчыны* из большой малоземельной семьи, выменял её на завидный отцовский надел в пять *моргив.* Попросту, братья Марычки продали единственную в *родыне* драгоценность щедрому искателю прекрасного, который не торговался. Сам же покупатель после сделки остался гол, в полной зависимости от своего нанимателя. Числился егерем графа, присматривал за его имуществом в долине Альбин. Хозяйского нерегулярного вознаграждения едва хватало, чтобы сохранять видимость достатка молодой пары. Марычка не могла не видеть себя обманутой, но мужа не укоряла. Самолюбие простолюдинки тешило признание земляками её особости. Ведь вскоре в округе, называя бывшую бесприданницу по имени, стали прибавлять не «Пэтрова», как здесь водится, а «Графова». И накликали…

Случилось так, что именитый в*е*нец посетил карпатское владение на второй год после женитьбы своего низкородного напарника по охоте на кабана. Тот не смог не похвастаться перед хозяином своим приобретением. Пожилой аристократ, умевший «держать лицо» в самой неожиданной обстановке, вдруг повёл себя так, будто ему представили не новую служанку, а светскую даму. Произвела ли на сластолюбца впечатление красота «лесной феи» или та сама использовала доставшиеся ей по наследству чары колдуньи, вопрос открытый. Птичница была уверена в последнем. Стадион, склонившись, долгим поцелуем припал к крестьянской руке. Марычка не отдёрнула её, не смутилась, словно привыкла к такому обхождению; лукавой улыбкой *трояндовых* губ и опусканием тяжёлых «мохнатых» век приняла приглашение отужинать вместе с мужем в охотничьем домике. Вечерний стол накрыли на троих. Привезённый из столицы повар и слуги из местных были отпущены. Подавал камердинер графа, немец с неподвижным лицом (описываю по словам птичницы). Надо полагать, от такой чести у горца вскружилась голова. Как прошло застолье, неведомо. Моей информаторше не хватило воображения.

На следующий день Стадион неожиданно отменил охоту, сославшись на забытое дома любимое ружьё. Не согласится ли герр егерь составить компанию камердинеру графа в поисках такого же ствола в Лемберге? Разумеется, новообращённый «герр» не заставил упрашивать себя. Несколько дней медлительный камердинер водил Пэтра по оружейным магазинам и складам столицы вассального Габсбургам королевства Галиции и Лодомерии. Всё не то! Наконец что-то подходящее обнаружилось у одного из коллекционеров старинного оружия, не без труда, втридорога, но было приобретено. Горец, в предвкушении награды повёз находку домой, а камердинер, получив в отеле Жорж телеграмму от графа, заспешил в Вену исполнять новое поручение.

В ограде охотничьего хозяйства граф не нашёлся. Исчезла и Марычка. Также не досчитались двух горных пони в конюшне. Следы от копыт вели к перевалу, откуда начинался путь в иной, светлый и весёлый мир через тёплую Паннонскую низменность с

запахами Адриатики. Никто из обслуги ничего толком объяснить не мог. Хозяин в день отбытия посыльных в Лемберг поспешно рассчитал всех, кто служил ему в охотничьем хозяйстве. Повар уехал домой через Коломыю. С тех пор никто из обитателей долины Чёрного Черемоша и окрестных гор не видел ни высокородного венца, ни землячки. Глазам Пэтра предстали разбросанные вещи, сдвинутая мебель, словно последние два жильца усадьбы бежали от погони. Только на голом столе в спальне титулованного австрийца лежал его чем-то набитый кожаный ягдташ. Что-то предчувствуя, что-то постигая, Пэтро заглянул в него. И сразу захлопнул. Ноги горца, не знающие усталости, не выдержали, похоже, тяжести впечатления от увиденного в охотничьей сумке. Стрылэць опустился на коврик между столом и кушеткой с растерзанными простынями, надолго замер, скорчившись, не издав ни звука. Потом, обретя способность двигаться, перекинул плечевой ремень тяжёлого ягдташа через голову и удалился с ним во флигель, бывший его с Марычкой жильём. Об этом поведал брат беглянки, который сопровождал шурина в тот день. Свидетель мимоходом взглянул на календарь за 1913 год в спальне графа. Число 31 на декабрьском листе не было зачёркнуто.

Известно, что покинутый муж не предпринимал никаких действий для розыска беглянки в столице Австро-Венгрии (в похищение никто не верил), не искал встречи с графом.

Вскоре началась война, и по её окончании пала империя Габсбургов. Лукавое королевство на задворках австрийских владений, с охотничьим хозяйством графа Стадиона в карпатском лесу, стало польской провинцией, а её центру возвратили имя *Львув*. Прошло ещё два десятка лет – и потрясла весь мир новая война. Долину Чёрного Черемоша не миновали армии и флаги воюющих сторон. Наконец здесь утвердились *Совьеты* – власть Москвы, грозная, непонятная и, казалось, неодолимая.

На горном отшибе с трудом успевали следить за ходом событий в большом мире городов, мало чего понимали в творящемся за околицей тихих селений. Наверное, меньше всех понимал стареющий в одиночестве Пэтро Стрылэць. Он редко появлялся на людях. Уединившись во флигеле, равнодушно смотрел, как разрушаются безжизненные строения усадьбы, приходит в запустение сад. Чем он жил, как проводил дни? Только предполагали. Радиофикация края заканчивалась в *сэлище,* почтальон с газетами и журналами не знал дороги к ручью Альбин. Подсмотрели, что одним из источников дохода отшельника был белый гриб. Уроженец лесного простора, охотник и следопыт знал его повадки, места обитания. Сушёные грибы сдавал перекупщикам в условленное время у слияния ручья с рекой.

Несколько раз в одно и то же время (в последнюю ночь перед Новым годом) и всегда на перевале натыкался на него лесник. Поздний путник освещал себе дорогу свечным фонарём и гудел с перерывами в коровий рог. На вопрос «куда путь держит», отвечал невразумительно: «*Та ось, шукаю*».

Говорили, Стрылэць тронулся умом.

Вот всё, что мне было известно о человеке, у которого я намеревался просить ночлега через несколько часов.

День выдался ярким. Чистое, без единого облачка небо, заснеженные вершины и склоны гор – всё оказалось во власти синего цвета различной густоты и оттенков. Даже там, куда падали прямые лучи дневного светила, белизна зимнего покрова была тронута лёгкими мазками акварельной сини. Декабрьское солнце, и в полдень низкое, уже покатилось по нисходящей дуге, когда Чёрный Черемош остался за моей спиной. Но и в узкой долине Альбина было светло, так как её левый борт, обращённый к югу, стал в эту

пору года природным зеркалом, составленным из мириад кристалликов атмосферного льда. Груз на спине не мешал наслаждаться красотой долины и мыслить.

Наконец на моём пути оказалась подходящая площадка для бурового станка; деревья не помешают поднять вышку, есть место для грузовика с трубами и жилого вагончика. Рядом ручей, не поддающийся морозу. Словом, идеальное место. Можно было бы проехать транспорту несколько выше по долине, но там уже тесно, и Альбин прячется под валунами. Отметив место на карте, запомнив его, двинулся дальше.

Уже в сумерках вышел на руины усадьбы. Крыши охотничьего домика и подсобных строений провалились, внутри выросли деревья. Только флигель выглядел пригодным для обитания. Светилось окно, дымила труба на очищенном от снега фигурном шеломе из оранжевой черепицы. Должно быть, слух у отшельника был звериным, если он при моём приближении к крыльцу вышел навстречу – без шапки, в *кожухе*, накинутом на плечи. Поочерёдно восславили Иисуса, как принято здесь при встрече. Я на местном наречии назвал себя, объяснил причину своего появления и попросил о ночлеге. Хозяин посторонился, пропуская меня в дом, захлопнул дверь изнутри.

Из сеней, заставленных коробами и туесами с овощами, ягодой и фруктами, вела в подпол лестница; там шумно устраивались на ночлег куры. За откинутым льняным пологом открылась комната (примерно 4х4 метра) в одно окно со столом под ним. Левую стену занимал топчан, устланный кабаньей шкурой; большая фотография (сразу не разглядел) украшала это место. Дальше находилась изразцовая печь под потолок, за ней – окованный железом жёлтый сундук. Во всю длину стены напротив тянулась широкая лавка. Над ней висели *образы* Спасителя с пылающим сердцем под хитоном и скорбящей над младенцем Божьей матери. Толстая сальная свеча на столе освещала этот скромный и чистый *покий*. Её огня оказалось достаточно, чтобы рассмотреть одинокого жителя долины ручья Альбин.

Сбросив на лежанку кожух, он предстал глубоким стариком мелким телом и тощим. Но не слабым, в чём я убедился, увидев, как легко он переместил с лавки под окно довольно вместительную бадейку, наполненную водой. Редкие пегие волосы на голове лесного долгожителя отливали зеленью. Его лицо – морщина на морщине, из которых торчал «утиный» нос над седыми клочковатыми, словно молочные сосульки, усами, было смуглым, а глаза – светлые. В них я не заметил ничего «сумасшедшего», никакого такого «безумного блеска», как болтали праздные языки. Вообще, во все дни нашего общения старый Пэтро являл собой уравновешенный тип. Возбуждение охватило его лишь дважды. Первый раз, когда, ожидая кипятка к ужину в вечер моего приезда, я приблизился к фотографии над лежанкой хозяина. Он будто ждал этого – подскочил, оставив в духовке печи уже гремящий крышкой чайник, пояснил, освободив наконец рот от *люльки*: «*То я з Марычкой*». Бедняга не сомневался, что всему миру известно о его давнем счастье. Именно счастье – голос выдавал.

На *шлюбной* фотографии молодая жена была на полголовы выше мужа, телом шире. Если бы не старообразное лицо брачующегося, его можно было бы принять, на первый взгляд, за её раннего сына. Действительно, лицо у горянки красивое, но грубое. Чувственные губы. Глаза от переносицы к вискам – наискосок, как у хищницы кошачьего племени. Было понятно, чем именно она покорила графа, в женском окружении которого преобладали худосочные аристократки. Творец наградил избранную *доньку* телом, наполненным соками окружающей живой природы и придал членам самые совершенные формы, которые скорее можно увидеть при разглядывании мраморных богинь, чем

созданий живой плоти. Можно понять пылкого горца, отдавшего за такую редкость отцовское наследство.

В тот вечер мы с дедом Пэтром засиделись допоздна. Возбуждение, охватившее его, я невольно продлил спиртом, бывшим со мной всегда в маршрутах, как говорили с профессиональной улыбкой геологи, «для медицинских целей». Я окончательно убедился в полном умственном здравии своего собеседника. Он интересно рассказывал охотничьи байки о повадках зверей и людей своего круга. Правда, живописал чаще всего те случаи, при которых можно было упомянуть Марычку так или иначе. Не к месту – чаще. Я же расположил его своим вниманием. Он не мог догадаться, что мой интерес чисто профессиональный – интерес созревающего автора сочинений, в которых человеку и дикой природе быть воедино. В конце беседы, когда меня уже звал развёрнутый спальник на лавке под образами, графский егерь произнёс загадочную фразу: «Колы Марычка повернеться додому, вона побачыть, *що дуже багата… Побачыть…*». И, глядя сквозь меня, заулыбался своей мечте.

Весь следующий день я прождал бурильщиков при устье ручья. Соорудил себе гнездо из еловых лап в защищённом от ветра месте, развёл костёр. Провизию взял из рюкзака, воду кипятил в котелке, чаёвничал. Когда стало смеркаться, возвратился во флигель. Только к полудню следующего дня, преодолев на отдохнувшем «козле» снежные заторы, собственной персоной, без механизированной свиты, появился Иван Иванович: «Заждался, геолог? А мы сломались. Всерьёз и надолго. Держи компенсацию. *Первак.* Лучший в мире». С этими словами виновник моего сидения на морозе протянул мне четырёхгранный штоф толстого стекла с наваренной датой основания австрийской фирмы – 1795, добавил: «Бутылку храни, раритет, мать его! Понюхай, через пробку рвётся родной, аж в душу. Амбра». Я из вежливости потянул носом, но запах изо рта бывалого горнопроходчика перебивал все ароматы долины Альбина. А даритель торопил: «Давай, давай, грузись! Где твои шмотки?».

Не понимаю, что произошло со мной. Я до того ничего не менял в своих планах новогодних дней. А тут – словно глас свыше: «Останься здесь! Отпусти машину». Вдруг представилось неуютное, с низким потолком, голой лампочкой на кривом проводе, с гнилыми досками пола помещение при курятнике. Вряд ли украсит скучный интерьер срубленная *смерека.* Я мысленно сравнил его с ладной комнаткой флигеля; выбор пал на неё. Воочию увидел лица товарищей. «Ба, знакомые все лица!». Услышал возбуждённые в предвкушении хмельного застолья голоса – ничего нового, оригинального: те же речи, что и год, и два назад. Те же бородатые анекдоты, смеясь авансом, будет рассказывать Юрка Рубец. А другой Юрка, по кличке «папаша Шульц» (за сходство с киношным фельдфебелем) станет внушать молчуну Игорю, что тот дурак, поскольку ничего не смыслит в жизни. Лысый с рождения и от того всегда печальный Витёк после рюмки-второй падёт мятым лицом в общий салат, и придётся возиться с его длинным телом, устраивая на раскладушке в углу. Ещё будут бодрые поздравления с новым годом и соответствующие песни о счастливых советских людях и партии, нашем рулевом – сначала по транзистору, потом разноголосым квартетом под храп Витька. И я сам какую-нибудь пошлость скажу, это уж точно. А на следующий день – муть в голове, тошнота, звон пустых бутылок при поисках лечебных капель. Нет, лучше провести предновогоднюю ночь в обществе ветхозаветного отшельника. Свежо и необычно, новые впечатления. Будет, что вспомнить. Я ощутил домашнее, как у мамы, тепло изразцовой печи, горьковато-сладкий запах живой хвои, которым был наполнен весь лесной простор.

- Пожалуй, я немного задержусь здесь, – был мой ответ Ивану Ивановичу после недолгого колебания. – Отчего так? – Да приметил одну особенность в залегании пород

верхнего мела. Надо разобраться, – соврал я. – Тут пешком день хода. Погода-то вон какая. – Ну, как знаешь, геолог. Бутылку-то сохрани. Пустую, гы-ы-ы.

Моё решение встретить Новый год в долине Альбина не произвело на хозяина никакого впечатления. После нашего разговора, в котором упомянута была Марычка, он, показалось мне, находился во власти какой-то думы, возвышающей его над обыденным. «Нас возвышающий обман»? С появлением первых звёзд выходил на крыльцо и долго дымил своей глиняной *люлькой*. По возвращении под крышу был немногословен, но ровен в поведении, лишь, как говорят, заторможен.

В последний день уходящего года старый егерь с рассвета стал собираться в путь. Разложил на топчане войлочную накидку, вроде кавказской бурки, но с прорезями для рук, холщёвый поясной мешок, очищенные на снегу от годовой грязи тёплые *сподни*, льняную рубашку и *кожух*. Внёс из-за двери большой фонарь с кольцом на крышке и вставил под стекло новую толстую свечу. Проверил, хорошо ли держится железный наконечник на посохе. К приготовленным вещам прибавил коровий рог, проверив на крыльце силу звука.

Я понял: встречать Новый год мне придётся одному. Это меня разочаровало, так как я надеялся в беседе за дарёным штофом услышать сокровенную тайну странного *пустынника*, у которого не было Библии, который ни разу при мне не перекрестился на *образа*, вообще не обращал на них внимания, в то время как не упускал случая бросить взгляд на парный фотопортрет более чем полувековой давности.

Перед выходом из дома в полном облачении для дальней дороги, с фонарём и посохом, старик приготовил в духовке две курицы: одну взял с собой, другую оставил на столе. Я в тот ранний ещё час колол дрова во дворе. Когда вернулся в дом, хозяин, стоя ко мне спиной, перекладывал какие-то пачки, похожие на денежные, в поясной мешок из ягдташа красной кожи, который находился в сундуке с поднятой крышкой. На этот раз чуткий слух лесного жителя подвёл его. Уже на моих глазах он торопливо опустил крышку сундука. Щёлкнул замок, большой ключ исчез под полой бурки. Я вспомнил о предмете охотничьей экипировки графа, оставленном им на столе спальни в последний день 1913 года. И это воспоминание озвучилось словами из фразы, услышанной мной от старого егеря: «*Марычка дуже багата*». Догадка осенила меня. Я приблизился к сундуку. Из щели между его задней стенкой и стеной выглядывал уголок какой-то пёстрой бумажки. Извлёк её на свет. Ба, да это же крупная банкнота! 1000 крон! Единица с тремя нулями дважды оттиснута в центре прямоугольника, слева и справа – молодые женские лики в круглых медальонах. В одной из прелестниц нахожу сходство с фотографической Марычкой, но лицо на банкноте мягче, милее. Так вот оно что! – бедняга полагает, что эти бумажки где-то всё ещё в ходу, обмениваются на советские рубли. Кажется, после распада Двуединой империи Вена заменила кроны на шиллинги. Может, бывший подданный двух корон не ведал или забыл о гибели «лоскутной державы» пятьдесят лет тому назад? В его памяти провалы? Действительно, старик не совсем в своём уме. Малость тронулся. Однако сохранил честь. Ведь в годы первой войны он имел возможность тратить их. И несколько лет, когда установился мир, в банках возрождённой Польши, если не ошибаюсь, меняли обесцененные кроны на злотые. Граф не забыл свой ягдташ, набитый банкнотами. Он оставил его на видном месте – как отступное обманутому мужу. Можно не сомневаться: егерь не принял сделки, не присвоил ни крейцера, как ещё называли крону в обиходе. Этим богатством, он вбил себе в голову, вольна распоряжаться только его заблудшая жена, когда вернётся, обязательно вернётся. С верой в её раскаяние, можно предположить, покинутый супруг в каждую годовщину её греха выходил на перевал, куда вели следы копыт двух горных пони.

Непросто ответить на вопрос, с какой целью соломенный вдовец берёт с собой, выходя на желанную встречу, некую сумму этих бывших денег. По размышлении я остановился не следующем.

Пэтро, не отделявший действительности от вымысла, опасался, что на границе бедного и сурового Предкарпатья Марычка может пожалеть о роскошной жизни, к которой успела привыкнуть под золотым крылышком графа Стадиона. Даже Лемберг выглядел захолустьем по сравнению с Веной. Что же говорить о селении на Чёрном Черемоше! Капризнице, податливой на сладкое, заметив её колебание, будет к месту и вовремя показать тугую пачку банкнот: «Вот что ждёт тебя дома, милая, много больше, всё твоё». Грубость приманки не могла смутить егеря. При всём первобытном благородстве он был плоть от плоти своего окружения.

С этими мыслями я вернул банкноту, давно ставшую картинкой истории, на то место, где обнаружил её.

Да, сейчас, в конце своей затянувшийся жизни, я могу сказать без преувеличения, что та новогодняя ночь была лучшей из всех. Не только необычность места сделала её таковой. Мне удалось избежать компании по обстоятельствам службы и случайных знакомств. Появилась возможность оказаться в кругу избранных лиц, живых и ушедших, которых, по словам Поэта, «любило моё сердце». Я поднимал за встречу латунную кружку, с которой не расставался с первого маршрута, делился с воображаемыми участниками застолья глотками огненной жидкости, действительно, лучшей в мире *бурякивки*, сладковатой, почти без запаха. Мы закусывали домашней курятиной и удивительной сохранности дарами грядок, не знающих химии – прямо от овоща, зубами, без салатных ухищрений. Мы мирно и ровно беседовали, вспоминали общее, доброе. Трещали дрова в печи, ожила муха, совсем не противная, а чистенькая, блестящая, как ёлочная игрушка, подтвердив это сравнение своим появлением на еловой лапе, подвешенной мной на ручке окна. Слегка колебался язычок пламени на оплывающей свече, когда через приоткрытую форточку усиливалось дыхание гор. Время от времени я прохаживался по комнате, растягивался на лавке, предаваясь светлым мечтаниям.

Когда стрелки на дедовом хронометре стали сливаться вверху циферблата, я, накинув на плечи куртку с капюшоном, вышел на крыльцо, не забыв прихватить кружку. Вызвездило так, что было светло, как при уполовиненной луне. А снег будто добавлял яркости небесным лампадам. Вдруг вспыхнуло невысоко над едва различимым горизонтом. Горящий метеор косо покатился к земле, оставляя след светящегося дыма, но не упал на горы, а сгорел над ними. Хотя я ведал о природе этого явления, назвал его мысленно, как и все земляне, упавшей звездой и загадал желание, подкрепив его большим глотком из кружки. Забегая вперёд скажу: оно сбылось в том году…

Разбудил меня топот ног на крыльце. Наверное, вернулся хозяин, сбивает снег с *постол.* Казалось, сто солнц били в окно. Под полом ругались некормленые куры. Моя муха доедала яства на столе. Ночной бродяга ввалился в дом с какой-то молодецкой удалью, пританцовывая, будто всю ночь и светлые часы нового дня где-то отсиживался, омолаживался, а не мерил ногами, по колено в снегу, горные тропы. Морщин на его лице как бы поубавилось, утиный нос выдавал селезня, одержавшего победу в борьбе за самку. Глаза, что называется, сияли.

Спросонья у меня вырвалось: «*Що си стало, пан Пэтрэ*?». Пан карпатского леса сбросил на пол бурку и шапку, просеменил к окну, выглянул, повертев головой, и ответил победным тоном: «*Марычка вэртаеться, скоро будэ. Треба дистати йийи сукню*». Старик метнулся к сундуку, вынимая ключ из дорожного мешка на поясе. Щёлкает замок, крышка

откинута. Уже не таясь от меня, счастливец возвращает в ягдташ две пачки банкнот, затем извлекает из-под тряпичного хлама брачный наряд музейного вида, блещущий мишурой. Сокровище бережно переносится на лежанку. Все движения старика были столь естественны, все произносимые им слова наполнены такой уверенностью, что я сам чуть не поверил в возвращение беглой супруги в образе молодки. А ведь появись она здесь и сейчас каким-то чудом, ей, по меньшему счёту, было бы под девяносто. Вообще, на земле ли она или смотрит с небес? По всему видно, такие мысли не посещают егеря.

Однако силы его изработанного тела, возбуждённые в тот день как никогда навязчивой мыслью, были на исходе. Он вдруг погас, повалился, не снимая кожуха, не разуваясь на лежанку, только успел сказать, погружаясь в дремоту: «*Вона блызько… Мени був знак… на нэби… зирка…*». Я понял: старик заметил ту же упавшую звезду, что и я в новогоднюю ночь. И по-своему истолковал это явление.

Прошли день, ночь, наступило новое утро. Стрылэць, ровно дышал, лёжа лицом к стенке. Наверное, давно прощённая им Марычка не выпускала из сна, где она присутствовала молодой в подвенечном платье. Я не дождался его пробуждения. Мне надо было спешить, чтобы добраться до сэлища к ночи. Оставив на столе синюю кредитку за постой, я тихо притворил за собой наружную дверь.

Несколько дней спустя до меня дошла весть о тихой кончине во сне отшельника ручья Альбин. Наверное, он так и не проснулся после моего ухода. Тяжёлый путь в зимнюю ночь, возбуждение, охватившее его при виде летящей ему навстречу (вообразил я) звезды, исчерпали земную энергию охотника, родившегося поэтом. Он не стал дожидаться своей Марычки, опять, теперь уже только мыслями, заспешил ей навстречу и, наверное, на этот раз его ожидание встречи сбылось. И Слава Богу! Говорят, Господь лишает разума человека, если хочет наказать его. В случае с героем моего рассказа Спаситель поступил более чем человеколюбиво: Он наделил своего избранного сына не общим, а каким-то выборочным безумием, чтобы тот долгие годы жил в ожидании счастья и, наконец, обрёл его.

С.А.Сокуров